

U.D.C. 81'23

ABOUT POSSIBLE APPROACHES TO STUDYING PECULIARITIES OF ORAL AND WRITTEN LANGUAGE DEVELOPMENT

A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Full Professor
Tver State University, Russia

Corpus studies, experimental procedures and speech error analysis are discussed as useful approaches to speech development investigation. The necessity to apply a psycholinguistic theory of word meaning focusing on the user of language is grounded.

Keywords: corpus studies, experimental procedures, speech error analysis, psycholinguistic theory of word meaning.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

УДК 81'23

О ВОЗМОЖНЫХ ПОДХОДАХ К ИССЛЕДОВАНИЮ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

Залевская А.А., д-р филол. наук, проф.
Тверской государственный университет, Россия

В числе возможных подходов к исследованию особенностей развития речи рассматриваются: обращение к материалам национальных корпусов разных языков; применение набора экспериментальных процедур; анализ ошибок в устной и письменной речи. Обосновывается необходимость интерпретации обнаруживаемых фактов с позиций теории языка как достояния его носителя со всеми вытекающими отсюда следствиями.

Ключевые слова: национальный корпус текстов, эксперимент, речевые ошибки, психолингвистическая теория значения слова.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Digital Object Identification: _____

Вводные замечания
Исследование особенностей развития устной и письменной речи на современном этапе интенсивного оборота информации требует, во-первых, накопления статистически значимого корпуса регистрируемых фактов, а во-вторых – теоретического осмысления наблюдаемых тенденций, поэтому ниже рассматриваются некоторые подходы к сбору материала для анализа и высказываются соображения о специфике теоретических оснований для интерпретации и объяснения наблюдаемых изменений.

Некоторые возможности использование новых информационных технологий в целях изучения изменений в устной и письменной речи

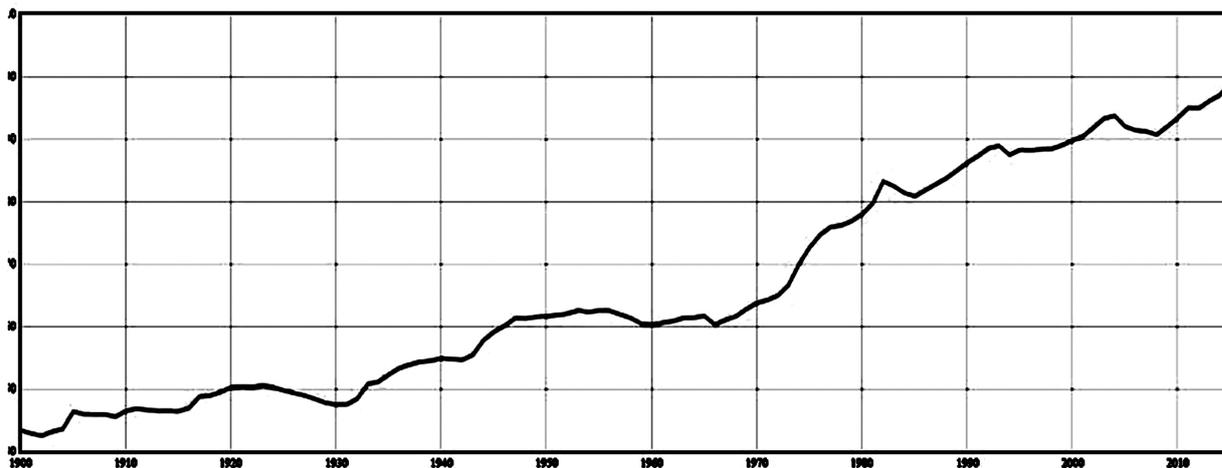
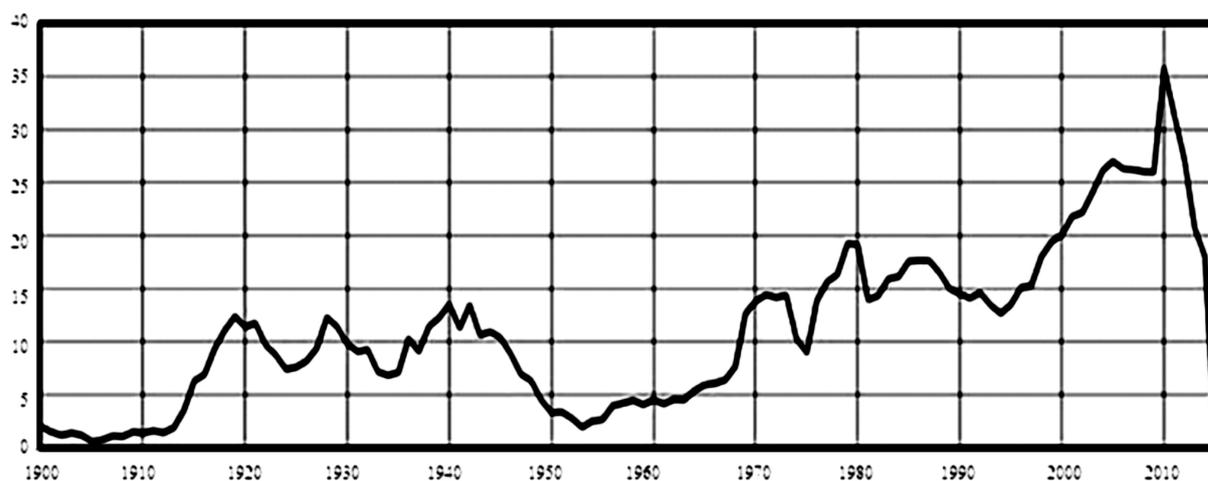
Национальные корпусы разных языков широко используются ныне для получения ответов на многие вопросы теории языка; особую роль при этом играет наличие ряда подкорпусов, в том числе и подкорпуса устной речи, в котором регистрируются текущие изменения в жизни языка, а комплексное использование всех материалов корпуса позволяет не только проследить динамику вхождения в практику пользования языком некоторого нового явления, но и получить статистически значимые наборы фактов, к тому же распределённые в соответствии с видами речи, жанрами, временными показателями и т.д.

К сожалению, многие исследователи не пользуются большими возможностями, которые предоставляются новыми информационными технологиями, хотя совершенствование технической базы и разработка новейших программных продуктов делают электронные средства простыми в употреблении и вполне доступными для широкого круга исследователей, в том числе для студентов, выполняющих курсовые работы. Приведу несколько примеров.

В статье Т.Б. Михайловой [3] в связи с проблемой языковых изменений обсуждаются возможные причины частого употребления в современной речи на русском и английском языках слов-паразитов *tuna* и *like*; например: *А ты, что, tuna, самый умный?* Источниками анализируемых автором фактов явились фильмы, Интернет, социальные сети, материалы Национального корпуса русского языка, Британского национального корпуса, корпуса современного американского английского языка и собственных наблюдений автора за речью говорящих людей. Т.Б. Михайлова ставит вопросы: почему эти слова стали всеобщими в речи молодёжи и какие изменения, произошедшие в обществе, могли стать причиной их массового употребления? Но возникают и другие вопросы, заслуживающие тщательного исследования. Например: когда началась и как развивалась утрата основ-

ного значения подобного слова, когда и при каких обстоятельствах произошёл «скачок» его популярности, не наблюдается ли уже спад частотности его употребления? Иначе говоря, имеет ли место эпизодический взлёт популярности такого слова или оно устойчиво приобретает новую функцию. В поисках ответа на эти вопросы под моим руководством была выполнена курсовая работа студентки 3-го курса Е.С. Федоровой, в частности, проследившей (на материале подкорпуса устной речи Национального корпуса русского языка), каким образом менялась частотность употребления слова *tuna* в русском языке за период с 1900 по 2010 гг. (см. рис. 1). Уточню, что в этом подкорпусе 52% составляет устная публичная речь, 10% – устная непубличная речь и 38% – речь кино. Были также получены статистические показатели для слова *конкретно*, популярного у молодёжи и нередко используемого в значении, далёком от основного (ср.: *Ну и погодка сегодня: конкретный геморрой!*), см. рис. 2.

Обратим внимание на то, что приведённые результаты важны лишь как начальный этап исследования. Задачу дальнейшей работы составляет выяснение того, когда именно началась утрата основного значения слова, становящегося популярным. В поисках ответа на этот вопрос мы можем воспользоваться прикладной программой

Рис. 1. Динамика частотности слова *тип*Рис. 2. Динамика частотности слова *конкретный*

под названием конкордансер, продуктом применения которой является конкорданс – корпус фактов употребления исследуемого слова в определённых контекстах – как правых, так и левых. Анализ динамики таких контекстов на разных отрезках рассматриваемого периода времени позволит вывить, каким образом происходило изменение значения слова от его полноточности до перехода в другой статус, как менялось процентное соотношение между фактами употребления слова в разных функциях и значениях.

Использование конкордансера может быть полезным и для других целей, в том числе – для межъязыковых / межкультурных сопоставлений. Например, в дипломной работе студентки А.И. Доминикан ставилась задача выяснить, насколько соответствуют друг другу смысловые поля слов – коррелятов в русском и английском языках. Исследование

проводилось с использованием прикладной программы – конкордансера AntConc и с привлечением информации из электронных словарей. В частности, через анализ полученных контекстов было показано, что в английском языке имеется множество коррелятов русского слова *чистый*, при этом смысловые поля слов-коррелятов в английском и русском языках в значительной мере различаются. На рис. 3 приводится пример соотношения смысловых полей этого русского слова со смысловыми полями рядом английских слов.

Важность материалов такого рода для ситуаций переводческой деятельности и обучения иностранным языкам, несомненна. К тому же сопоставительные исследования такого рода с обращением к национальным корпусам разных языков и использованием «временных срезов» позволит показать, что бывшее в некоторый период

времени правомерным использование слов двух языков в качестве коррелятов может перестать быть таковым из-за произошедших изменений в значении и/или функции одного из них (в том числе – за счёт взлёта популярности некоторого словосочетания, акцентирующего своеобразный фокус видения именуемого объекта или вызываемого им эмоционально-оценочного переживания).

Использование набора экспериментальных процедур

В настоящее время в мировой науке уже накоплен значительный объём экспериментальных данных, полученных с применением разнообразных процедур: ассоциативных экспериментов, шкалирования, дефинирования и др. (см., например, перечень экспериментальных материалов на английском, белорусском, болгарском, венгерском, датском, итальянском, испанском, казахском, киргизском,

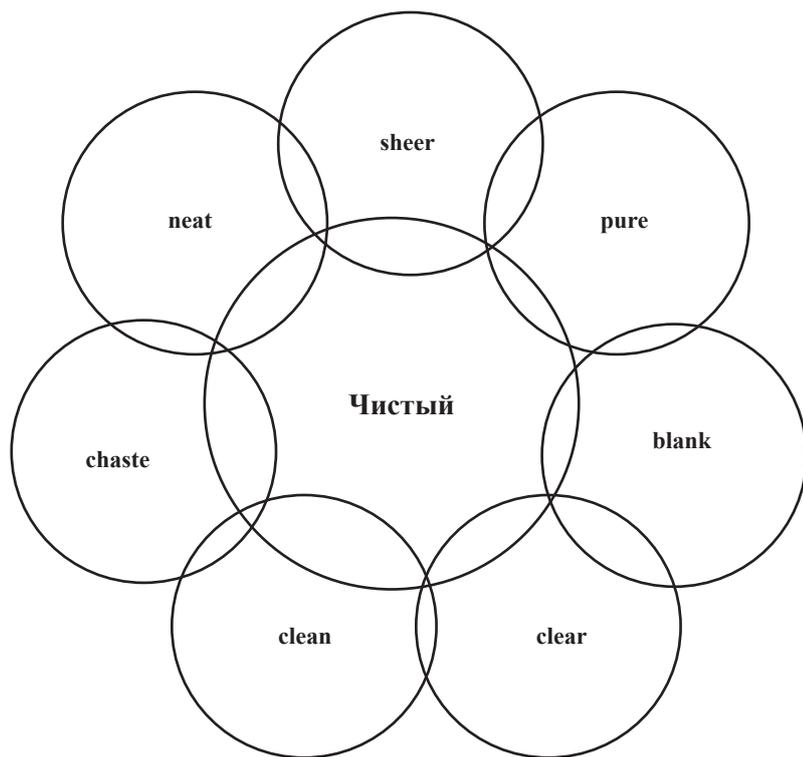

Рис. 3. Соотношение смысловых полей слов-коррелятов в русском и английском языках

немецком, польском, русском, словацком, украинском, французском, чешском языках в книге: [4: 173–179]). Наличие материалов, полученных в разные годы на базе тех или иных языков, позволяет проследивать возникновение и/или утрату тех или иных значений, появление новых контекстов, изменение характера увязываемых со словом или словосочетанием эмоционально-оценочных переживаний и т.д. (см. подробно: [1]).

Например, результаты экспериментов с использованием разных процедур дефинирования в сочетании с анализом показаний словарей, художественных текстов, отображаемых кинофильмами реалити и т.д. показывают, что русское слово *тачка* с 1930-х гг. по настоящее время претерпело следующие изменения в значении: сначала так именовалось только одноколёсное средство перевозки земли и т.п., потом выросло поколение людей, не знающих этого значения рассматриваемого слова, но именующих этим словом такси или любую машину, которая может подвезти вас в случае надобности; теперь под *тачкой* чаще понимается «крутая», «навороченная» легковая автомоби-

на, но в то же время в бытовую речь возвращается слово *тачка* в первоначальном значении, хотя сделанное из современных материалов произведение очень отличается от допотопного инструмента строителей социализма и используется преимущественно на дачах. Результаты экспериментов по субъективному шкалированию показывают тонкие различия в эмоционально-оценочных переживаниях, которые увязываются с именуемыми объектами, действиями, ситуациями у носителей разных языков и культур. Особенно ярко «сдвиги» в таких переживаниях проявляются в сложные периоды жизни общества (см. обсуждение материалов двухэтапного эксперимента с носителями русского языка: [1]).

Представляется важным сопоставление результатов экспериментальных исследований с данными по анализу материалов Национальных корпусов соответствующих языков, поскольку это позволит не только подкрепить или поставить под сомнение достоверность получаемых разными способами показателей, но и установить достоинства и недостатки используемых исследовательских процедур.

Анализ речевых ошибок в устной и письменной речи

Проблема речевых ошибок и их предотвращения актуальна для нормализации устной и письменной речи как на родном, так и на втором/иностранном языке. Однако нередко оказывается трудным провести грань между речевой ошибкой и новой тенденцией в развитии языка. В качестве примера можно назвать оформляющееся в последние годы в русском языке и закрепляемое официальными документами использование некоторых слов в несвойственной им форме множественного числа.

Так, согласно показаниям словарей, слово *коммуникация*, впервые зарегистрированное в начале XX века, первоначально указывало на связь между материальными объектами и увязывалось с водными, затем и с сухопутными путями сообщения. Постепенно круг таких объектов значительно расширился, и в последние десятилетия слово *коммуникация* в форме множественного числа ассоциируется прежде всего с водопроводными трубами, канализацией и т.п. (ср.: *К месту строительства объекта уже проложены все необходимые коммуникации*).

Значительно позднее слово *коммуникация* стало означать процесс общения между людьми с использованием только формы единственного числа, т.е. в качестве именованного наиболее общего понятия, подразумевающего наличие некоторых видов такой коммуникации, в том числе – массовой коммуникации с рядом подвидов. Обратим внимание на то, что и словосочетание *массовая коммуникация* первоначально фигурировало в устной и письменной речи исключительно в форме единственного числа, а в форму множественного числа получало добавляемое слово: *средства массовой коммуникации*. Таким образом, в русском языке четко соблюдалась дифференциация типов связи – между материальными объектами и между людьми в процессе общения, а также разграничивались уровни обобщения именуемых сущностей, выстраивающиеся в определённую иерархию.

Внезапно положение вещей изменилось: появились закреплённые в

официальных документах странные формулировки типа: *Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций* или *Институт (факультет) иностранных языков и межкультурных коммуникаций*... Что это: давление требований системы (по аналогии с предшествующим контекстом с формами множественного числа), вызванная той же аналогией ошибка чиновника, не исправленная во-время и неоправданно растиражированная, или новая тенденция развития русского языка? Поскольку параллельно с этим появляются высказывания типа: *На доске объявлений регулярно вывешиваются информации о встречах с авторами (о конференциях, диспутах и т.п.)*, можно прогнозировать, что для новых поколений носителей русского языка такие речения станут нормой, тем более в связи с сокращением усилий на разграничение способов оформления категории числа для разных значений одного и того же слова (фактически эта же тенденция унификации, упрощения, экономии, отказа от интеллектуальных усилий, отвечающая требованиям ускорения обмена информацией на текущем этапе, наблюдается в языке общения в сети Интернет, см. подробнее: [2]).

Мой многолетний опыт экспериментальных исследований в области значения слова и понимания текста, анализа речевых ошибок и моделирования процессов правильного и ошибочного продуцирования и понимания речи позволяет сделать вывод, что трудно провести грань между речевой ошибкой и новой тенденцией в развитии языка: ставшее популярным и потому высокочастотное слово или оборот речи может закрепиться в узусе и перейти в статус нормы или его использование оказывается недолговременным, оно уходит в прошлое, при этом либо происходит возврат к норме /системе, либо побеждает иная, более «сильная» тенденция, поддерживаемая закреплением в текстах СМИ и художественной литературы. В последнее время особую роль в таком «закреплении» играют новые формы общения в сети Интернет, где вводятся в обиход определённые штампы и

сокращения, с готовностью подхватываемые коммуникантами.

Закключение

Несомненно, выше были названы только некоторые из возможных подходов к исследованию особенностей развития языка на современном этапе; для получения убедительных результатов необходимо применение сочетания ряда процедур с учётом достижений новых информационных технологий, а также новейших результатов в разных науках о человеке.

Наиболее продуктивным представляется интегративный подход к исследованию процессов развития языка, позволяющий не только увидеть новые тенденции в разных ракурсах, но и разработать теорию языковых изменений с учётом роли фактора человека, включенного во взаимодействие с естественным и социальным окружением (см. подробно: [2]), а для этого обязательной является опора на психолингвистическую теорию значения слова, фокусирующуюся на специфике языка как «живого знания» со всеми вытекающими отсюда следствиями.

References:

1. Zalevskaja A.A. Dvojnaja zhizn' znachenija slova [Double life of a word meaning]. Teoreticheskoe i jeksperimental'noe issledovanie: monografija [Theoretical and experimental study: monograph]. – Saarbrücken., Palmarium Academic Publishing, 2012. – 274 p.
2. Zalevskaja A.A. Rol' faktora cheloveka v razvitii jazyka [The role of a human factor in the language

development], Voprosy psiholingvistiki [Issues of Psycholinguistics], – 2015., No. 2 (24)., pp. 64–76.

3. Mihajlova T.B. Tipa i like – novye rezidenty v «dome nashego bytija» [“Tipa” and “like” – new residents in “the house of our life”], Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tver State University]. – Serija: Filologija [Series: Philology]. – 2015., No. 2. - Pp. 63–69.

4. Zalevskaya A. Interfacial Theory of Word Meaning: A Psycholinguistic Approach. – London., International Academy of Science and Higher Education, 2014. – 180 p.

Литература:

1. Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование: монография. – Saarbrücken., Palmarium Academic Publishing, 2012. – 274 с.
2. Залевская А.А. Роль фактора человека в развитии языка., Вопросы психолингвистики, – 2015., No. 2 (24)., С. 64–76.
3. Михайлова Т.Б. Типа и like – новые резиденты в «доме нашего бытия». Вестник Тверского государственного университета. – Серия: Филология. – 2015., No. 2., С. 63–69.
4. Zalevskaya A. Interfacial Theory of Word Meaning: A Psycholinguistic Approach. – London., International Academy of Science and Higher Education, 2014. – 180 p.

Information about author:

Alexandra Zalevskaya - Doctor of Philology, Full Professor, Tver State University; address: Russia, Tver city; e-mail: aazalev@mail.ru

105x65